

ЭНТОНИ БЕРКЛИ

Энтони Беркли (настоящее имя — Энтони Беркли Кокс, 1893—1971) — один из королей английского детектива XX века, основатель прославленного Детективного клуба, многое сделавший для развития жанра.

Самыми знаменитыми работами Беркли стали легендарные сериалы о приключениях циничного писателя Роджера Шерингэма и его «коллег» — блестящих, остроумных детективов-любителей...

Не меньшую известность ему принесли романы, написанные под псевдонимом Френсис Айз. По одному из них Альфред Хичкок снял свой знаменитый фильм «Подозрение».

ANTHONY

BERKELEY

.....

NOT TO BE TAKEN

.....

ЭНТОНИ
БЕРКЛИ

ОСТОРОЖНО: ЯД!

АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44
Б48

Серия «Золотой век английского детектива»

Anthony Berkeley

NOT TO BE TAKEN

Перевод *Л.Г. Мордуховича*

Художник *В.Е. Половцев*

Компьютерный дизайн *К.С. Парсадоняна*

Печатается с разрешения The Society of Authors
и литературного агентства The Marsh Agency Ltd.

Беркли, Энтони.

Б48 Осторожно: яд! : [роман] / Энтони Беркли ;
[пер. с англ. Л.Г. Мордуховича]. — Москва : АСТ,
2015. — 256 с. — (Золотой век английского де-
тектива).

ISBN 978-5-17-089376-8

Тихое, спокойное течение жизни в английской глубинке неожиданно нарушает смерть главы добропорядочного семейства Джона Уотерхауса. Казалось бы, это роковая случайность, мистер Уотерхаус просто «съел что-то не то». Поначалу именно такое заключение дает и местный доктор. Однако Дуглас Сьюэлл, друг и сосед несчастного, не сомневается: Джон Уотерхаус был убит кем-то из самого ближайшего окружения. И он берется это доказать во что бы то ни стало.

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44

© Anthony Berkeley, 1938
© Перевод. Л.Г. Мордухович, 2013
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-089376-8

Глава первая

СИЛЬНОЕ ЛЕКАРСТВО

1

Вы не замечали, что пятое сентября день какой-то особенный? Или это мне он кажется таким, а всем остальным без разницы?

Во всяком случае, для меня этот день с некоторых пор незаметно не проходит. Уже с утра я нервничаю, озираюсь по сторонам, как будто пытаюсь определить причину беспокойства. Осень только начинается, фактически лето, а мне кажется, что вот-вот подует холодный ветер, пригонит тучи, и зарядит долгий унылый дождь.

Да, вот таким теперь я вижу пятое сентября. Любое пятое сентября, а то первое по-прежнему помню в мельчайших деталях. Помню, что на обед у нас было филе сельди с горчичным соусом. Помню даже, что на днище подноса с чаем, снизу, прилип кусочек джема. Поднос поставили на столик, а потом моя жена Френсис положила туда свою вышивку, и она запачкалась. Френсис расстроилась. Помню, что я тогда удивлялся, откуда вообще взялся

Энтони Беркли

этот джем, потому что к чаю его не подавали. И конечно, я помню, как горничная вытерла столик влажной салфеткой, а затем звякнул звонок входной двери, и она пошла открывать.

Голос, который донесся из холла, принадлежал фрейлейн Бергман, секретарше нашей соседки Анджелы Уотерхаус.

Френсис кивнула.

— Она ко мне. Принесла журналы, которые обещала Анджела.

Но девушка явилась без журналов. Она поспешно вошла, и вид у нее был такой, что Френсис в смятении вскрикнула:

— Митци, что случилось?

Девушка посмотрела на меня:

— Мистер Сьюэлл, миссис Уотерхаус просит вас срочно прийти. Ее супруг сильно заболел, а до доктора Брума мы дозвониться не можем.

Я вскочил на ноги.

— Он поранился на работе?

Дело в том, что Джон Уотерхаус являлся воплощением здоровья, и представить его просто заболевшим было невозможно.

— Нет-нет. Он болен. Причем ужасно. Пожалуйста, придите.

— Конечно, конечно! — Я посмотрел на жену. — А ты, Френсис?

Осторожно: яд!

— Я тоже, — отозвалась она. — Только пойду на кухню, скажу, что мы опоздаем к ужину.

Когда за Митци закрылась дверь, мы с женой тревожно переглянулись.

— У него обострилась язва желудка, — предположила Френсис.

Нет, пятое сентября забыть невозможно. Потому что в тот день начал умирать один из моих ближайших друзей. Такое не забывается.

2

А с Уотерхаусами вот какое дело.

Они обосновались в нашей деревне Аннипенни семь лет назад после возвращения из Бразилии. Купили здесь большой дом в конце небольшой улочки, где жили мы, первая улица, на которую вы попадаете, когда входите в деревню с запада. Дом был особенный, старый, построенный во времена Георга I. И мы стали ближайшими соседями, поскольку других домов на нашей улочке больше не было.

Деревня Аннипенни находится в Дорсете недалеко от границы с графством Сомерсет. Ее выбрала Анджела Уотерхаус. У миссис Уотерхаус было что-то не в порядке со здоровьем, причем сильно, но никто не знал, в чем там, собственно, дело. Иными словами, Анджела

3

Энтони Беркли

была вечно больной. Такой тип женщины вам наверняка известен.

Я знал о ней очень мало. Пожалуй, только то, что она была благородных кровей. С такими всегда непросто.

Последние два года она провела в маленьком прибрежном бразильском городишке, который называла «дикими дебрями». Это так на нее повлияло, что наша деревня казалась ей приютом отдохновения.

Довольно об Анджеле. Займемся ее мужем, Джоном Уотерхаусом, человеком куда более интересным и значительным.

Инженер-электрик по профессии, он был одним из тех англичан, которые скромно, без всякой помпы делали для своей страны больше, чем все государственные деятели и профессиональные патриоты, вместе взятые. В эпоху индустриализации ее пионеры заняли нишу, где раньше обитали такие, как Рэли*, Клайв** и капитан Кук.

* Уолтер Рэли (1554—1618) — английский государственный деятель, авантюрист, поэт и писатель, историк, фаворит королевы Елизаветы I. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Роберт Клайв (1725—1774) — британский генерал и чиновник, утвердивший господство Британской Ост-Индской компании в Индии.

Осторожно: яд!

Через какое-то время, когда мы узнали Джона Уотерхауса поближе, стало ясно, что в нашей небольшой общине появился человек поистине выдающийся.

Его жизненный путь был достоин восхищения. Поработав вначале в одной солидной фирме и научившись там всему, чему только можно, он получил отличные рекомендации и поддержку и начал работать по контракту в разных местах, предпочитая наиболее экзотические уголки мира. Стал известен на Востоке как человек, который может провести электричество в резиденцию любого местного правителя, где бы она ни находилась. Даже в джунглях.

Он стал первоклассным специалистом, обладающим к тому же замечательными организаторскими способностями и неистребимой тягой к приключениям. Можно только догадываться о работах, какие ему приходилось выполнять в начале карьеры, и в какие сложные ситуации он попадал. Джон не очень любил рассказывать о себе, но мне все же удалось выудить у него некоторые факты. Например, в тридцать с небольшим лет он электрифицировал знаменитый индийский храм, потом работал в Индокитае, Багдаде и Тибете, побывал в плену у бандитов во время работы в Китае. Его карьеру венчал контракт в миллион фун-

Энтони Беркли

тов стерлингов на электрификацию региона в Амазонии протяженностью тысячу миль. Затем, получив приличные деньги, Джон по настоянию жены ушел на покой, обосновался в деревне Аннипенни и стал жить в полном достатке. А чего еще нужно человеку, если его доход составляет почти пять тысяч фунтов в год? Детей, правда, у них не было. Это жаль.

Анджела Уотерхаус с удовольствием окунулась в жизнь английской провинции. Да и здоровье у нее, кажется, существенно поправилось.

А вот Джон сразу заскучал. Что неудивительно. Сидеть без дела в деревне, и это после всех захватывающих приключений, какие ему пришлось пережить. Дом, который жена уговорила его купить, был не такой уж огромный, но его, привычного жить в палатках и ночевать на походных койках, он определенно смущал. Вначале Джон попытался, правда, недолго и без особого успеха, заняться сельским хозяйством на примыкающем к дому участке в сто с лишним акров. Земля тут оказалась неплодородной, а местность холмистой. К этому времени мы с Френсис уже близко познакомились с соседями, которые нам понравились, и я попытался увлечь Джона своим делом, фруктовым садоводством, но это его не заинтересовало.

Осторожно: яд!

Наконец он нашел себе дело, которым все-раз увлекся, — строительство. Это было как раз по нему.

На его участке оказались солидные залежи весьма приличного строительного камня. Плоские куски с прямыми углами. Джон построил из него небольшой летний домик на солнечной стороне лужайки. Построил все своими руками. Потом рассказал мне, какое удовольствие доставляло Анджеле сидеть там в теплые дни, откинувшись на спинку кресла.

Воодушевившись первым успехом, Джон пошел дальше. К счастью, дом оказался достаточно крепким, чтобы выдержать его эксперименты. А Джон Уотерхаус с тех пор не оставлял его в покое. Он вырыл подвалы и укрепил стены. Половину надворных строений полностью перестроил. На участке соорудил загоны для скота, которого у него не было. Добротные загоны, с навесами. Причем каждое сооружение, пусть даже самое незначительное, содержало в себе новшество. Например, применен бетон какой-то новой марки или новаторский метод крепления. Днем почти в любое время вы могли застать его на участке. Издалека была видна его богатырская фигура. То он стоял в размышлении над уложенным фундаментом, то улыбался, рассматривая кучу только что замешенного бетона, то еще как-то. Закончив один

Энтони Беркли

объект, он тут же приступал к проектированию следующего.

Это его хобби жена и друзья обозначали словом *Работа*, вкладывая в понятие определенную долю иронии. Но, так или иначе, хобби поддерживало дух Джона Уотерхауса, а также давало местным жителям работу. Он больше не замешивал сам раствор и не таскал камни, хотя продолжал работать мастерком.

Вскоре Джон Уотерхаус стал весьма популярной личностью не только в нашей деревне, но и в округе. Его все любили, и было за что. Он был щедрым, регулярно давал по собственной инициативе деньги викарию, не интересуясь, на какие цели он их потратит. Если у кого-то в деревне возникали трудности, достаточно было обратиться к нему, и помощь была гарантирована, в том числе и деньгами. Мы с Френсис были уверены, что Джон время от времени ссужает без отдачи небольшими суммами всех родственников жены, включая самых дальних.

В общем, Джон Уотерхаус был по-настоящему простой и добрый человек, старой закалки, какие сейчас встречаются все реже. Лишенный какого бы то ни было снобизма.

И вот представьте, такой человек вдруг взял и неожиданно умер.

Я думаю, Анджела послала за мной скорее для своего успокоения, поскольку Джону я ничем помочь не мог. Да он, как мне вначале показалось, в этом и не нуждался.

Когда мы с Френсис явились к ним, то было не совсем понятно, кто из них на самом деле болен. Джон нас встретил в холле, в то время как Анджела лежала обессиленная наверху в постели. Френсис, естественно, поднялась с Митци Бергман наверх, чтобы заняться Анджелой, а я остался в библиотеке с Джоном.

Тут я наконец разглядел, что Джон действительно выглядит неважно. Его обычно цветущее лицо теперь было бледным и осунувшимся. Он, конечно, пытался храбриться, делать вид, что все в порядке, но я заметил, что руки у него подрагивают.

Усевшись в кресло, Джон принялся убеждать меня, что все это чепуха, извинялся, что нас потревожили.

— Я просто не знал, что Анджела за вами послала. Она так разволновалась, непонятно почему.

— Но все же, Джон, скажите, что с вами? — спросил я.

— Наверное, съел что-то не то. Думаю, в этом все дело. Может быть, печень подкачала.

Энтони Беркли

Я так редко болею, что такое состояние для меня непривычно.

— У вас в последнее время бывало расстройство желудка?

— Ну, наверное, пару раз. Ничего особенного. В моем возрасте это обычное дело. Но такого, честно говоря, прежде не случалось.

Джон, как и все здоровые люди, войдя в пожилой возраст, не мог допустить, что его вдруг могут одолеть болезни.

— А что вас беспокоит сейчас?

Джон слабо улыбнулся:

— Как обычно, когда расстроен желудок. Прошу прощения, понос.

— Боли есть?

— Небольшие спазмы. Я... — Он замолк и поспешно встал. — Извините, вынужден вас ненадолго покинуть. Очередной позыв, не терпит отлагательства.

Он вышел, а я взял со стола свежую газету, начал просматривать. Честно говоря, недомогание Джона меня не сильно встревожило. Я вспомнил, как наш местный доктор и мой друг детства Глен Брум сказал Джону недавно в моем присутствии, что он испортил себе желудок много лет назад и теперь должен ожидать с этой стороны разных неприятностей. Доктор подозревал у него язву желудка, хотя сейчас на приступ язвы это похоже не было.

Осторожно: яд!

В библиотеке был затоплен камин. Я сидел, устроившись в большом удобном кожаном кресле, ни о чем особо не думая, а встревожился, только когда посмотрел на часы и осознал, что Джон отсутствует почти двадцать минут. Решил, что пора пойти посмотреть, в чем дело.

Окончательно серьезность положения я понял, когда он не отозвался на стук. Прислушавшись, можно было услышать его стоны. Если Джон Уотерхаус стонет, значит, дело приняло скверный оборот.

Я заставил его открыть дверь, отвел наверх и уложил в постель. Он сопротивлялся, но не сильно, потому что был очень слаб.

Вызвав Френсис, я попросил ее спуститься вниз и позвонить Бруму.

— Ему плохо? — спросила она, понизив голос.

— Даже не знаю, — прошептал я в ответ. Мы стояли в коридоре рядом с дверью спальни. — Какой-то приступ, может быть, печени, но тяжелый. Анджеле пока ничего не говори.

Френсис понимающе кивнула. Узнав, что муж серьезно болен, она заболит еще тяжелее.

Жена появилась через пару минут. Глена Брума по-прежнему не было дома. Он звонил и сказал, что находится в шести милях отсюда у тяжелого больного.

— А Рона? — спросил я.